

П. И. Лебедев-Полянский

ПУШКИН В ИСТОРИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ¹

Обычно, когда писатель умирает и имя его уходит в глубь времен, какая-то доля его творчества тускнеет и даже совсем теряет для потомства свое значение. Но Пушкин — чем дальше мы от него во времени, тем ослепительнее его гениальность, тем больший смысл раскрывается в его произведениях, тем огромнее и величественнее его историческое значение. Этот гигант русской поэзии, этот глубочайший выразитель своего времени, его революционных тенденций, бессмертен. Пролетарская революция, низвергнув многие ложные авторитеты, восторженно чувствует великого русского поэта, чувствует не только как великое прошлое, но и как явление созвучное нашему времени.

Глубоко проникновенны слова другого великого человека — Белинского когда он писал о поэте: «Пушкин принадлежит к вечно движущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за нею эпохе сказать что-нибудь новое и более верное и ни одна и никогда не выскажет всего».

Действительно, по словам Белинского, «Пушкин принадлежит к числу тех творческих гениев, тех великих исторических натур, которые, работая для настоящего, готовят будущее, и потому самому уже не могут принадлежать только одному прошедшему». Определить его значение «однажды навсегда, на основании чистого разума» просто невозможно; «решение должно быть результатом исторического движения общества», потому что «каждый новый день, каждый новый факт в жизни и литературе должны были изменять и образ воззрения на Пушкина». Так оно и есть. Каждая общественная группа, пытаясь присвоить себе идейное наследство поэта,

¹ Доклад на Торжественной Пушкинской сессии Академии Наук СССР 13 февраля 1937 г.

истолковывала его по-своему, каждое десятилетие так или иначе изменяло образ Пушкина. И только советская страна, страна социализма произнесет о великом поэте свое окончательное суждение. При жизни и после смерти поэта вокруг его творчества шла страстная борьба; поэт задевал за самое живое, — у одних он разбивал их кумиры, верования и традиции, другим он прокладывал путь в будущее, разрушая все старое, одряхлевшее, мешавшее движению вперед.

Первое свое признание, как великого национального, народного русского поэта, признание восторженное, проникновенное, всесторонне обоснованное, Пушкин получил в статьях Белинского. Естественно, в этих изумительных статьях на суждениях о поэте неизбежно отразилось как развитие общества, русского и западно-европейского, так и развитие самого критика; самые знания о поэте не были полны и достоверны, статьи писались почти сто лет тому назад. Не было надлежащей исторической перспективы, и временами текущая политическая борьба заменяла исторический анализ. Теперь пришло время, когда в суждения самого Белинского, суждения полные горячей мысли к нему, общественность нашей социалистической страны в силу исторической обусловленности должна внести свои дополнения и разъяснения, особенно в основное утверждение критика, что «Пушкин был по преимуществу поэт, художник».

Развивая свой взгляд на историю русской литературы, критик писал, что до Пушкина «у нас не было даже предчувствия того, что такое искусство, художество», «много было сделано для языка, стиха, кое-что было сделано и для поэзии; но поэзии, как поэзии, т. е. такой поэзии, которая... развивая то или иное мировоззрение, прежде всего была бы поэзией — такой поэзии еще не было! Пушкин был призван быть живым откровением ее тайны на Руси». «Его назначение было завоевать, усвоить навсегда русской земле поэзию, как и искусство, так, чтоб русская поэзия имела потом возможность быть выражением всякого направления, всякого созерцания, не боясь перестать быть поэзией».

Конечно, эти суждения критика нельзя понимать упрощенно, в том смысле, что Пушкин был поэтом так наз. чистого искусства. Белинский имел в виду другое, именно то, что «Непосредственно творческий элемент в Пушкине был несравненно сильнее мыслительного элемента, так что ошибки последнего, как бы без ведома самого поэта, поправлялись первым, и внутренняя логика, разумность глубокого поэтического созерцания торжествовала над неправильностью рефлексий поэта».

Иначе, там, где поэт мыслью не улавливал исторического хода событий, исторической объективности, там на помощь ему приходила проникновенность художника, и своим художественным чутьем он так глубоко проникал в тайники действительности, в сущность событий, в их связь, что его совершеннейшие по мастерству картины жизни стали вечны, полные великого исторического смысла.

Если Белинский, исходя из основного своего положения, что «у нас нет литературы, что литература до Пушкина — плод чужеземный, привозной, что Пушкин первый создал национальную народную литературу», с наибольшей силой подчеркнул и выдвинул на первое место поэтическое совершенство поэта, то наша современность выдвигает на первое место мировоззрение поэта, — то, чем было наполнено его могучее, сверкающее мастерство, давшее величайшие образцы органического единства формы и содержания, единства, в своей исключительной простоте поражающего своей гениальностью.

Мы не можем возражать Белинскому, что Пушкин «по преимуществу поэт-художник», но со всей силой выдвигаем и другое, — то, что он был одновременно великий, глубокий и трезвый мыслитель. мировоззрение которого складывалось последовательно и сознательно. Пушкин был высокообразованным человеком, как немногие из людей его времени. Он был глубоко конкретен и историчен. Он жил не только чувством страстным, но и глубокой мыслью.

Достаточно просмотреть дневник поэта, его письма, разные исторические замечания, его заметки о «Борисе Годунове», 1831 г., конспект записки о дворянстве, 1832 г., хотя бы статью об «Истории русского народа» Н. Полевого, записку «О народном воспитании» и ряд других материалов, чтобы не сомневаться в этом.

Величие поэта не только в том, что он добил классицизм и сентиментализм, своим творчеством нанес смертельный удар романтизму, — романтизму типа Жуковского с его мистицизмом, святостью, чертовщиной, неопределенностью, мечтою, уходом от действительности, романтизму демоническому, байронического типа, с его разочарованием, известной критикой жизни, тоской по лучшему, но в русских условиях неактуальному в борьбе за это лучшее. Величие поэта не только в том, что он, преодолев эти литературные направления, изжил их мировоззрения. Поэт велик другим. Этот огромный и гениальнейший мастер создал в литературе новое направление — реализм.

Если романтическая поэзия жила преимущественно мечтой и чувством и воспевала только возвышенное, то реализм потребовал жиз-

ненной правды, понимания действительности, глубины мысли. От возвышенного, от романтических, байронических эффектов поэт спустился к «заурядным», «неинтересным» героям, к «простому столичному гражданину», к «коллежскому регистратору», к «станционному смотрителю», которых много на Руси и которых никто не замечает, и, наконец, к мужику.

В то время, как общество жило еще мировоззрением романтизма, Пушкин осознал, что искусство должно являться единым органическим выражением гармонической связи природы, человека, жизни, истории, реальных идеалов. Своим принципиальным учителем он избрал Шекспира.

Величие поэта в том, что он положил основание тому реализму, продолжателем которого был Гоголь. Между Гоголем и Пушкиным нет принципиальной разницы, разница в их социальном возрасте. Гоголь шел той же дорогой, по которой в последние годы своей жизни шел Пушкин. Гоголь пошел дальше поэта, но от него, его путем и даже не без помощи поэта. Пушкин дал Гоголю сюжеты «Ревизора», «Мертвых душ», Гоголь всегда дорожил и прислушивался к критике поэта.

Как и Белинский, Пушкин был глубоко самокритичен. Уже в 1825 году для него «Руслан» — молокосос, «Пленник» — зелен, поскольку они отражают романтизм. Он доволен «Годуновым» за его реализм и за шекспировские принципы трагедии, но он знает, что «робкий вкус» русского общества не стерпит этого направления.

Как реалист, Пушкин устремляет свой взор на исторический дух эпохи, на национальный характер своих героев и событий. Встав на этот путь, Пушкин нашел, что русская действительность лишена всякого романтизма. Романтизм уступил место жизненности, правде, обыденности. Высмеяв в «Онегине» сентиментализм и романтизм, как пародию на действительность, поэт дает картину развития своего реализма. Говоря о национальности, народности, будничности жизни, поэт, как он выражается, вынужден «унижаться до смиренной прозы». Он обещает: «но просто вам перескажу преданья русского семейства, любви пленительные сны да нравы нашей старины». Он «завертывает на скотный двор», называя все это иронически «фламандской школы пестрым сором» и, наконец, заявляет, полемизируя со своими противниками и разоружая их упрощенностью формулировки:

Иные нужны мне картины;
Люблю песчаный косогор,

Перед избушкой две рябины,
 Калитку, сломанный забор...
 Теперь мила мне балалайка
 Да пьяный топот трепака
 Перед порогом кабака.
 Мой идеал теперь хозяйка,
 Да шей горшок, да сам большой...

Пушкин не только создал новое реалистическое направление; больше, он заставил и критику считаться не с отжившими эстетическими канонами, а с жизненной правдой произведения.

Величайшая заслуга поэта не только в области литературы, но и вообще русской культуры. Ни на минуту нельзя забывать, что самое художественное совершенство Пушкина было «следствием глубоко истинного содержания, всегда скрывающегося в произведениях» поэта. Почвою поэзии Пушкина была «всегда плодотворная идея». Его «Онегин» был богатырским шагом вперед, «актом созидания».

Все это и обязывает нашу современную общественность говорить о Пушкине не только как о созерцателе жизни, но как и о мыслителе, проникающем в глубины действительности.

Обобщая свой анализ творчества Пушкина, Белинский настойчиво подчеркивает, «что к особенным свойствам его поэзии принадлежит ее способность развивать в людях чувство изящного и чувство гуманности, разумея под этим словом бесконечное уважение к достоинству человека, как человека». Несмотря на генеалогические свои предрассудки, Пушкин по самой натуре своей был существом любящим, симпатичным, готовым от полноты сердца протянуть руку каждому, кто казался ему «человеком». В переводе на политический язык это означает, что поэт жил великим сочувствием к русскому народу, что он был непреклонным врагом крепостного права, ненавидел русское самодержавие, хотя и сознавал его историческую неизбежность.

Весь этот основной «пафос» творчества поэта — его реализм, гуманизм, ненависть к самодержавию и любовь к народу — был не только плодом художественной проникновенности, но и плодом глубокой, ясной мысли, хотя и не доходившей до конца.

Прав был Белинский, когда указывал, что «в мир пушкинской поэзии нельзя входить с готовыми идейками», потому что «Пушкин доступен только глубокому чувству действительности». Обычно прогрессивность Пушкина определяют в зависимости от того, насколько полно он выражал идеи декабризма. Этого недостаточно. Во-первых,

среди декабристов были борцы за демократическую республику и защитники ограниченной монархии; во-вторых, гуманизм поэта выходил за границы идеологии декабристов, и тем самым Пушкин выходил за пределы того класса, к которому он принадлежал, революционные стремления которого он поэтически отражал. Мы любим поэта, как гениального мастера, но еще более любим и будем любить его за его гуманизм, который так созвучен нашей эпохе, полностью выразившийся в великой Сталинской Конституции.

Прав был Герцен, когда в своей работе «О развитии революционных идей в России» писал: когда в мрачную пору николаевской реакции все было задушено и жило «глубокой страстью», «одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос отдаленному будущему». Это «отдаленное будущее» уже пришло, мы его завоевали, мы его укрепляем и строим. Как мастер-поэт — достояние истории, как гуманист он гражданин наших дней.

Отвечая тем, кто был разочарован поэмой «Цыганы», Белинский твердо подчеркнул, что это разочарование означает, что «поэт вдруг перерос свою публику и одним орлиным взмахом очутился на высоте, недоступной для большинства», что Пушкин «уже перестал быть выразителем нравственной настроенности современного ему общества и что отселе он явился уже воспитателем будущих поколений». Он был прав. Мы, конечно, очень далеко ушли от поэта, но голос его гуманизма громко слышен, он созвучен нашим дням.

Ставя так высоко поэзию Пушкина, Белинский недооценил отдельные произведения поэта, например, его сказки и «Повести Белкина».

Он думал, что повести были ниже таланта Пушкина, «ниже своего времени». Если даже согласиться, что «Барышня-крестьянка» является водевилем, представляющим помещичью жизнь с индивидуальной точки зрения, то нельзя не видеть, что «Станционный смотритель» не только не ниже своего времени, но выше, поскольку повесть поставила перед обществом новые вопросы о мелких людях, подняла проблемы, которые позже Гоголь разрабатывал в своих петербургских повестях, а Достоевский — в «Бедных людях».

Если критик поставил «Графа Нулина» рядом с «Мертвыми душами», его приговор о «Повестях Белкина» уже не является оправданным. Согласимся, что «Нулин» в смысле мастерства неизмеримо выше повестей, но повести неизмеримо выше «Нулина» в смысле содержания. Если «Граф Нулин» и «Домик в Коломне» со своим не-

значительным шутивным содержанием были произведениями, предшествующими «натуральной школе», и показывали, что в действительности самое обыденное имеет свое жизненное значение, то «Повести Белкина» эту функцию выполняли в большей мере, поскольку воздвигали социальные проблемы первостепенной важности.

Что же касается сказок, то теперь уже хорошо известно, что Пушкин понимал народность не как внешнее описание жизни народа, а как проникновение в его внутреннюю сущность, хотя бы задвленную и искалеченную самодержавием и помещиками-крепостниками. Теперь хорошо известно, как поэт внимательно наблюдал жизнь народа и как тщательно ее изучал.

Статьи о Пушкине Белинский писал в последний период своей литературной деятельности, в 1843—1846 гг., когда он был весь в «социальности», когда в нем, по его собственным словам, развилась «какая-то дикая, бешеная, фанатическая любовь к свободе и независимости человеческой личности, которая возможна только при обществе, основанном на праве и доблести», когда он начинал любить человечество по-маратовски и готов был ради этой любви действовать «огнем и мечом», когда он уже был знаком с философией Л. Фейербаха.

Естественно, страстный борец Белинский, переросший мировоззрение декабристов, в своей классовой борьбе и непримиримости, поскольку Пушкин не мог подняться на ту высоту социальной мысли, на которой стоял сам критик и которая с наибольшей яркостью и силой сказала в знаменитом письме к Гоголю, он подчеркнул в Пушкине в первую очередь его мастерство, а в Гоголе и Лермонтове — их социальный протест, поскольку у этих писателей он был выражен с большей горячностью и гневностью.

Белинский был «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении» (Ленин, XVII, 341). Признав, что общий идеал поэзии Пушкина, — «внутренняя красота человека и лелеющая душу гуманность», не может быть осуществлен в самодержавно-крепостной действительности, революционный демократ Белинский требовал от литературы сугубо реалистического показа жизни, беспощадной ее критики, гневного протеста против ее ужасов и призывал к непримиримой кровавой борьбе. Поскольку поэт всего этого не выразил так, как хотелось критику, он недооценил критику поэтом дворянской действительности, заявив, что Пушкин «в душе был больше помещиком и дворянином, нежели сколько можно ожидать этого от поэта».

Во времена борьбы за раскрепощение крестьянства такая заост-

ренная формулировка была понятна. Критик не хотел, чтобы русское общество хотя бы каплями впитывало в себя идею примирения помещика с крестьянином. «Неистовый Виссарион» доводил классовую непримиримость до самой последней степени ненависти и всякую художественную строчку, проникнутую лиризмом, смягчающим остроту классовой борьбы, уже считал пафосом помещицкого принципа.

Хотя Белинский и увлекался в Гоголе тем, что он «ничего не смягчает, не украшает», он признал и доказал, что уже в первые поэмы Пушкина, несмотря на их идеальный характер, «вошли элементы жизни действительной», а в «Онегине» идеалы еще более уступили место действительности,... что поэма эта должна по справедливости считаться произведением, положившим начало поэзии нашего времени. Тут уже и натуральность является не как сатира, не как комизм, а как верное воспроизведение действительности со всем ее добром и злом, со всеми ее житейскими дрязгами». Это был роман исторический, хотя в нем и не было исторических лиц, эта была энциклопедия русской жизни того времени, это был одновременно «акт сознания».

Несколько раньше, в начале 1840 г., Белинский очень верно определил, что «миросозерцание Пушкина трепещет в каждом стихе, в каждом стихе слышно рыдание мирового страдания, а обилие нравственных идей у него бесконечно».

Мысль, что Пушкин не столько мыслитель, сколько художник, в последующие годы выросла в нелепую легенду, что Пушкин после декабрьского восстания стал поэтом так называемого чистого искусства. Политическая борьба 60-х годов, борьба революционной демократии с либералами, выдвинув на первое место Гоголя, помешала разоблачить эту легенду. Это задача наших дней.

В шестидесятые годы, как известно, развернулась борьба между пушкинским и гоголевским направлениями в литературе. Эта литературная борьба имела свой откровенный политический смысл. Либералы отстаивали пушкинское направление, ложно трактуя его как направление чисто эстетическое и потому чуждое общественной борьбы, политики. Революционная крестьянская демократия отстаивала гоголевское направление, поскольку в нем с наибольшей силой выражены общественно-сатирическо-критические тенденции. Спор шел, конечно, не о том, чей талант выше — пушкинский или гоголевский. Это примитивная постановка вопроса. Революционная демократия утверждала, что Пушкин свою историческую миссию закончил, передав ее Гоголю, что вместе с этим литература из художественного созерцания превратилась в активную политическую силу. Но это

не помешало Чернышевскому признать гениальность Пушкина и даже в некоторых случаях быть справедливее Белинского. Он считал, что «смешно было бы думать», что за последние годы «талант Пушкина начинал ослабевать», что во время написания «Онегина» и «Годунова» он достиг «возможной высоты своего развития» и что «с этого времени относительное достоинство поэтических его произведений не возрастает неуклонно с каждым годом, зависит не от более позднего года, как прежде, а просто от изменившихся обстоятельств свободного вдохновения». Чернышевский не раскрыл нам, что он подразумевал под «изменяющимися обстоятельствами», но с достаточной долей вероятности можно утверждать, что он имел в виду политические обстоятельства и положение поэта, как пленника самодержавия, когда Пушкин не только не мог свободно говорить, но в течение двух лет не мог написать ни одной поэтической строки.

Чернышевский находил, что на ряду с «Горе от ума», как произведением сатирическим, «важно было влияние Пушкина, как сатирического писателя, каким он являлся преимущественно в «Онегине». Что было слабо видно Белинскому, как современнику поэта, то стало ясно через несколько лет такому прозорливому и последовательному демократу, как Чернышевский. Сам Пушкин не считал своего романа сатирическим, но из его замечания «у меня бы затрещала набережная, если б я коснулся сатиры», совершенно очевидно, что в сатирическом жанре поэт дал бы настоящую критику современного ему русского общества не менее сильную, чем в «Ревизоре» и «Мертвых душах». Это была бы та сатира, которая, как писал Белинский о юморе Гоголя, «кусается до крови, впивается в тело до костей, рубит со всего плеча, хлещет направо и налево своим бичом, свитым из шипящих змей».

Чернышевский признал, что «в истории русской образованности Пушкин занимает такое же место, как и в истории русской поэзии», что он был человек громадной образованности даже для 60-х годов, что «каждый стих, каждая строка беглых заметок Пушкина затрагивали, возбуждали мысль, если читатель мог пробудиться к мысли».

Самое характерное то, что Чернышевский, выступая против пушкинского направления, считая, что Пушкин уступил место Гоголю, одновременно писал, что только еще «придут времена, когда его произведения останутся только памятником эпохи, в которую он жил; но когда придет это время, мы не знаем». Сегодня мы можем заявить, что оно еще не пришло. Поэт в гробу, но он жив, в то время

как некоторые живые — мертвы. Поэт в представлении Чернышевского служил «Музам и Разуму».

Чернышевский очень чтит память Пушкина и клеймил всех, кто пытался снизить его значение. Он писал: «не успело еще взойти в свои берега взволнованное утратою поэта чувство общества, как подняла свое жужжание и шипение на страдальческую тень великого поэта злопамятная посредственность. Она начала прямо и косвенно толковать о поэтических заслугах Пушкина, стараясь унижить их»... «Веселое скакание водовозных существ на могиле льва возмущает душу как зрелище неприличное и отвратительное, а наглое бесстыдство низости имеет свойство выводить из терпения».

Добролюбов считал Пушкина первым поэтом, вырвавшимся из рутины державинского и карамзинского творчества. Его увлекало то, что поэт «долго возбуждал негодование своей смелостью находить поэзию не в воображаемом идеале, а в самом предмете, как он есть». Усиленно подчеркивая прогрессивный характер произведений поэта, Добролюбов указывает, что под давлением самодержавия, после разгрома движения декабристов, муза поэта не раз исторгала неверные ноты, но не в силу «естественных потребностей души поэта, а по слабости характера». Когда Добролюбов рисовал идеал современного ему поэта, он писал: «нам нужен был бы теперь поэт, который бы с красотой Пушкина, с силою Лермонтова умел продолжить и расширить реальную, здоровую сторону стихотворений Кольцова».

Революционные демократы не видели в прошлом поэта, который отражал бы их интересы, их поэтами были Некрасов и Шевченко; недаром на похоронах Некрасова, во время речи Достоевского, разгорелся спор, кто выше — Некрасов или Пушкин. Это была неправильная постановка вопроса, внеисторическая, но она показательна в смысле социальной характеристики Пушкина.

Ни Пушкин, ни Гоголь, ни Лермонтов, ни Кольцов не удовлетворяли их. Голос Некрасова заглушал в те дни голос Пушкина. Помните, как горячо приветствовал его из Сибири великий демократ, революционер Чернышевский.

Белинский, Чернышевский и Добролюбов в своих статьях не раз называют Пушкина поэтом-дворянином. Да, он был дворянин, но не просто дворянин, а дворянин — певец декабризма, поэтическое выражение идей дворян-революционеров; его поэзия не служила тому «доблестному» дворянству, из рядов которого вышли Бенкендорф, Воронцов, Пуришкевич и другие охранители царского престола. Класс естественно, оказывал влияние на поэта, но в нем просыпался не класс, а народ, нация, историческая судьба; в нем сказались еще

нераскрытое эмоционально-идейное содержание размаха общечеловеческой значимости.

В пылу ожесточенной классовой борьбы, в своей озорной, хотя и не бессмысленной, попытке разрушения эстетики, Писарев заявил, что «Онегин» — яркая и блестящая апофеоза самого бессмысленного *status quo*; что «кому Пушкин безвреден, тот не станет его читать; а кому он понравится, того он испортит в умственном и нравственном отношении». Писарев, конечно, был передовой человек 60-х годов, но, как всем очевидно, договорился до невероятных нелепостей.

Пушкин в разрешении социальной проблемы, в поисках общественной силы и положительного героя изучал революционное движение Пугачева, стараясь проникнуть в социальную психологию крестьянской массы и находя там положительное, видя в Пугачеве не зверя, как рисовали его буржуазные историки, а человека доброго.

С новой силой разгорелись прения вокруг Пушкина в 1880 г., во время открытия поэту памятника в Москве на бывш. Тверском бульваре. Бурю вызвала речь писателя Ф. М. Достоевского. Подчеркивая русскую самобытность творчества поэта, считая его полнейшим и совершеннейшим воплощением души русского народа, он подошел к нему как к пророку, указывающему исторический путь русского народа среди человечества. С одной стороны, он нашел у Пушкина тип извечного скитальца, неудовлетворенного действительностью, ищущего правды. Этот тип не исчезнет из русской жизни, потому что его поиски высшей правды может удовлетворить только всечеловеческое счастье, на меньшем он не мирится. С другой стороны, противопоставив этому ищущему скитальцу Татьяну, писатель бросил лозунг: «Смирись, гордый человек!» Речь Достоевского была одновременно и выражением взглядов мракобеса Победоносцева, она выражала самые реакционные взгляды, что Пушкин в своих художественных образах, как писали «Московские ведомости», дал «те высокие идеалы православной веры, преданности царю и горячей любви к родине, которые всегда являлись спасительными для России и которые и впредь сохранят ее для будущего ее великого мирового подвига. Ибо мы твердо веруем, — писала газета, — что Россия призвана будет просветить человечество теми вечными, духовными истинами, которые составляют сокровище ее народной души и которые нам впервые открыл и осветил, провозгласил путем художественного творчества великий просветитель нашего национального идеала — Александр Сергеевич Пушкин». Г. И. Успенский сначала было увлекся этими рассуждениями о стремлении русского скитальца к всечеловеческому счастью, но «на второй день» он уже увидел, что

«все скитальчески-человеческие народные черты — черты отрицательные». «Всечеловек» — «былинка, носимая ветром», «фантазер без почвы». «Смирись, гордый человек!» — призывал Достоевский, указывая, что путь русскому народу указывает Татьяна, которая прогнав всечеловека, поскольку он без почвы, жертвует собой во имя любви к всечеловеку, отдав себя «на съедение старику генералу».

Речь Достоевского была искусной попыткой сделать Пушкина знаменем мракобесия. Эта попытка, однако, не удалась. Поэт, как был, так и остался «символом пробуждения русской жизни». Очень характерно письмо Чаадаева к Пушкину от 18 сентября 1831 г. «О, как бы я хотел суметь вызвать сразу все могущество твоего поэтического духа! О, как хотел бы я в эту минуту извлечь из него все то, что — я знаю — скрыто у тебя на дне твоей поэтической души. И тогда, в один прекрасный день мы услышали бы одну из тех песен, которых так требует наш век». А каких песен ждал Чаадаев, об этом можно судить по его знаменитому философическому письму, за которое он был объявлен сумасшедшим и о котором Герцен писал: «Строгий и холодный автор требует отчета у России о всех страданиях, которыми она наделяет всякого, кто осмелился бы выйти из состояния скотины. Он хочет знать, что мы этою ценою покупаем, чем мы заслужили такое положение: он анализирует с неумолимым, приводящим в отчаяние глубокомыслием и, покончив с этим живосечением, с ужасом отворачивается, проклиная свою страну в ее прошлом, настоящем и будущем. Да, этот мрачный голос послышался только для того, чтобы сказать России, что она никогда не жила по-человечески, что она представляет собою «лишь пробел в человеческом разуме, лишь поучительный пример для Европы».

Поэт не оставил нам этой песни, она не написана поэтом, но народ нашей страны, без различия национальностей, — «тунгуз и друг степей калмык» и «всяк сущий в ней язык» — внутренним чутьем и изучением творчества поэта почувствовали и нашли мотивы этой песни, нашли мотивы ненависти к поработителям народов, мотивы безграничной любви к человеку, мотивы стремления к светлой, солнечной многогранной творческой жизни, революционный оптимизм и умение поэтически воспринимать жизнь. Поэт стал в доподлинном смысле народным.

Гордый человек нашей страны не смирился, как звал Достоевский, а, создав счастливую, радостную жизнь своей страны, идет, руководимый партией Ленина—Сталина, под знаменем международной пролетарской революции к всечеловеческому счастью.

Этот человек провозглашает: Пушкин — наш!

**ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ НАУК
СССР**

1 8 3 7 - 1 9 3 7

2-3

**ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ЛЕНИНГРАД
1937**